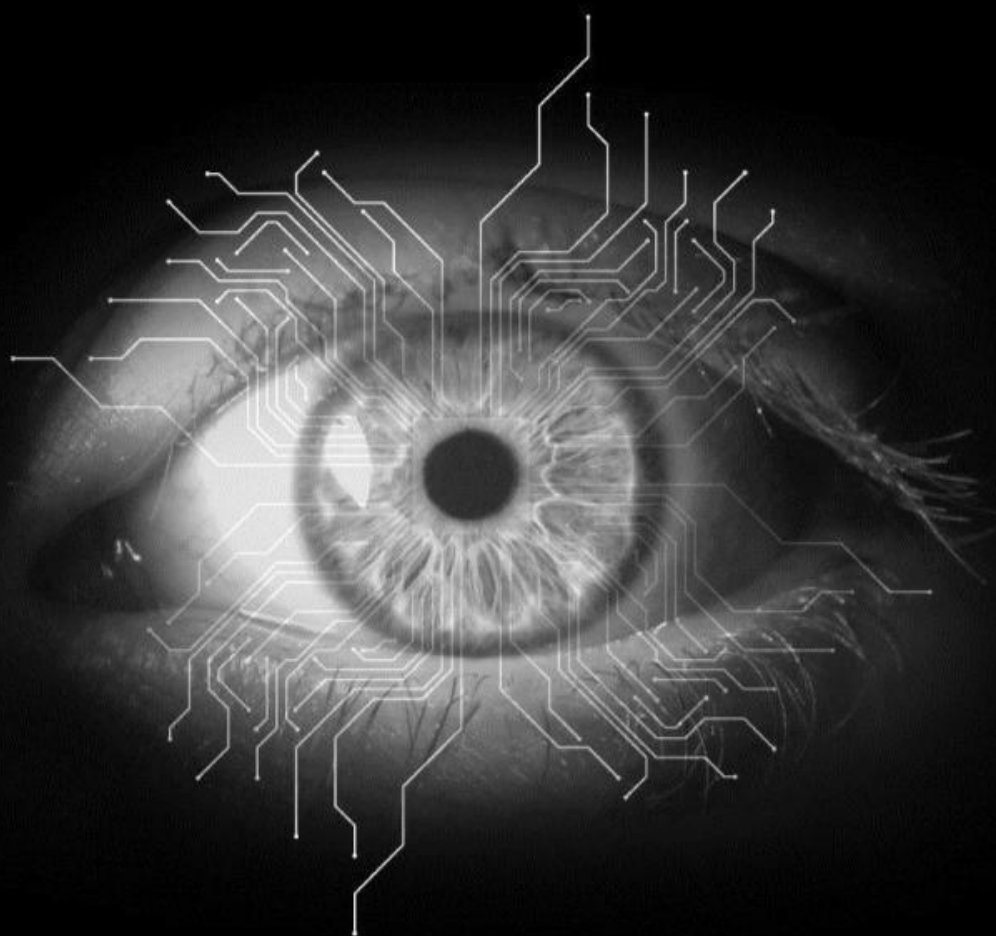

Наум Генрихович Котик

Практическая Телепатия

Непосредственная передача мыслей

Экспериментальное исследование феномена

АТМОСФЕРА

Психотехнологии (Издательство «Атмосфера»)

Наум Котик

**Практическая телепатия.
Непосредственная передача
мыслей. Экспериментальное
исследование феномена**

«ИП Исламов Ю.В. »

1912

УДК 133.3
ББК 86.4

Котик Н. Г.

Практическая телепатия. Непосредственная передача мыслей.
Экспериментальное исследование феномена / Н. Г. Котик —
«ИП Исламов Ю.В. », 1912 — (Психотехнологии (Издательство
«Атмосфера»))

ISBN 978-5-6045782-9-2

Эта книга - результат практического исследования феномена
непосредственной передачи мыслей и всего, что с этим связано. Эта работа
поможет вам поверить в возможность этого и начать самостоятельные
практические изыскания в этом вопросе. В формате PDF A4 сохранен
издательский макет книги.

УДК 133.3

ББК 86.4

ISBN 978-5-6045782-9-2

© Котик Н. Г., 1912
© ИП Исламов Ю.В. , 1912

Содержание

Предисловие	6
I	7
II	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Наум Генрихович Котик
Практическая телепатия.
Непосредственная передача мыслей

© Георгий Золин, адаптация текста, 2021

© АТМОСФЕРА, издание, оформление, 2021

Предисловие

Настоящая книга представляет обработку материала двух моих исследований, из которых одно появилось в 1904 году под заглавием «Чтение мыслей и N лучи», а другое в 1907 году под заглавием «Эманация психофизической энергии».

Оба эти исследования, дополненные результатами некоторых новых наблюдений, я в настоящей работе свел воедино и, по мере своих сил, осветил общею руководящею идеей, которую попытался вкратце изложить во вступительной главе.

Если бы мне удалось хоть немного рассеять то предубеждение к трактуемому вопросу, которое в среде официальных представителей знания почему-то считается признаком хорошего научного тона, то я счел бы себя за свой труд вполне вознагражденным.

Москва, декабрь, 1907

I

Вступление

Что такое мысль и каково её отношение к мозгу?

С этим вопросом, составляющим одну из кардинальных проблем бытия, неизбежно приходится сталкиваться каждому, кто избирает темой своей работы исследование тех или иных проявлений человеческой психики. Вся история научно-философской мысли истекшего столетия может быть охарактеризована как стремление найти объяснение тому очевидному для всех обстоятельству, что психическое и физическое – эти с виду столь несоизмеримые явления самым тесным образом соединены между собой в виде мысли и мозга.

Если мы обратимся за разъяснением поставленного выше вопроса к положительной науке, то ответа не найдем: все, что она могла сказать по этому поводу, заключается в положении, что мысль есть функция мозга – положении, которое лишь коротко выражает всем известный факт тесной зависимости процессов психических от физиологической деятельности мозга и тесной связи известных психических функций с определенными участками мозга. Но каким образом мысль, т. е. психическое, может быть функцией мозга, т. е. физического – этого мы не знаем; мало того, эта связь психического с физическим, которая так ясно и выпукло обнаруживается в нашем собственном мозгу, представляется нам непостижимой.

Непостижимость эта привела, в области отвлеченного мышления, к созданию целого ряда метафизических философских и религиозных систем, а в положительной науке к признанию полного бессилия последней разрешить психофизическую проблему признанию, которое вылилось в знаменитое "Ignorabimus" Дюбуа-Реймона в его речи о границах познания природы. Можно сказать, что "Ignorabimus" было высшею мудростью и последним словом по данному вопросу всей положительной науки XIX-го столетия и положенного в её основание догматически-материалистического мирозерцания. Это последнее слово, произнесенное выдающимся и авторитетным представителем положительного знания XIX-го столетия, раскололо всемирную аудиторию на два лагеря: одни стали трубить о банкротстве науки и усиленно приглашать жаждущих истины в лоно религиозной метафизики; а другие... другие стали искать выхода из положения путем анализа тех причин, в силу которых психофизическая проблема представляется нам непостижимой.

И анализ этот¹ уже многое сделал: он показал нам, что непостижимость проблемы обусловливается, главным образом, нашими ходячими представлениями о различной природе и несоизмеримости процессов физических и психических; он заставил нас задуматься над источниками этих представлений и разрушил нашу до того слепую веру в правильность их; он, наконец, поднял нашу упавшую было веру в силу научной мысли и указал последней более широкие горизонты. Рядом с этим философским анализом шла напряженная работа в области положительной науки работа, приведшая в начале XX-го века к весьма важным открытиям, которые разрушили все мирозерцание наших учителей и, несомненно, определили собою дальнейшее направление научно-философской мысли XX-го столетия.

И это направление прежде всего сказывается в перемене наших взглядов на сущность материи и духа и связи их между собою. Материя эта единственная реальность догматических материалистов потеряла теперь тот ореол неопровержимой «очевидности», которым она пользовалась в глазах научных работников XIX-го столетия: существование материи, как таковой, теперь даже для положительной науки, постоянно оперирующей только с «материей»,

¹ Я имею здесь в виду школу Маха, Авенариуса и др.

представляется весьма проблематичным по крайней мере, настолько же проблематичным, насколько им был «дух», «психическое» в глазах старых материалистов.

Ибо что такое теперь материя? Казалось бы, в познаваемом нами мире нет ничего другого, реальность чего была бы так очевидна, как реальность осязаемой и весомой материи; в положительной науке, как и в повседневной жизни, мы так привыкли иметь постоянно дело только с телами, материей, что вне последней мы даже не можем себе представить существование мира. Несмотря на всю трудность и даже невозможность научно определить «материю», последняя все-таки понималась нами всегда как нечто инертное, осязаемое, весомое и противопологалась энергии, как чему-то деятельному, неосязаемому и невесомому.

С научною натяжкой и философской вольностью под понятие энергии подводился еще нами иногда «дух», поскольку, конечно, влияние его в тех или иных процессах признавалось нами; но материя и сила, материя и энергия были для нас всегда такими же противоположными и несоизмеримыми понятиями, как материя и дух. Дю-Буа-Реймон с высоты академической кафедры провозгласил бессилие человеческого ума перекинуть мост, как от физического к психическому, так и от материи к силе².

Так ли это теперь? Можем ли мы еще придерживаться этих представлений, не рискуя очутиться в полном противоречии с научно установленными фактами? По-видимому, нет. Новейшие открытия в области физики совершили такой колоссальный переворот во взглядах самих физиков, этих суровых представителей точного знания на сущность материи, что резкая грань, отделявшая в наших представлениях материю от энергии, почти стусывалась; согласно этим взглядами, материя есть лишь сложная система или комплекс сил в большинстве случаев электрических. «Возможно, – говорит E.Rutherford, – что материя вообще электрического происхождения и получается есть движения электронов, из которых построены материальные молекулы»³. «Нет никаких препятствий, – говорит итальянский физик A.Righi, – к допущению, что материя, а с нею и совокупность всех известных тел, построены из агрегатов или систем электронов. Согласно этому воззрению, материальный атом есть только совокупность известного числа положительных и такого же числа отрицательных электронов, причем последние все или отчасти окружают наподобие спутников остальную часть системы»⁴.

Таким образом, материальный атом – этот гипотетический элемент материалистической теории – представляет собою целый космос, в котором отдельные электроны образуют сложную систему и движутся с необыкновенной быстротой. О силах, которые действуют внутри атома, можно получить некоторое понятие из следующих слов немецкого физика Lenard'a: «Внутри атомов, – говорит он, – действуют электрические поля такой необычайной силы, какие мы никогда не в состоянии получить ни одним из известных нам способов вследствие недостаточной сопротивляемости даже самых лучших изоляторов – электрические силы, в сравнении с которыми нам должны представляться ничтожными те силы, которые действуют при самых страшных грозах... После этого мы должны только удивляться, что большая часть атомов так спокойно ведут себя около нас и обнаруживая кое-что из запасов сил внутри себя только под электризирующим влиянием света или при других аналогичных поводах»⁵.

Таковы взгляды выдающихся представителей современной физики на сущность материи – взгляды, создавшиеся не под влиянием смелого полета фантазии, а на основании кропотливых и точных экспериментальных исследований в области электричества.

Знакомство с результатами этих исследований неизбежно приводит всякого мыслящего человека к заключению, что инертная, весомая и осязаемая материя, как это понятие слож-

² Употребляя в одинаковом значении понятия "сила" и "энергия", я позволяю себе маленькую вольность, которая, впрочем, не меняет сути дела: согласно определению физиков энергии есть произведение силы на пройденный путь.

³ E.Rutherford. Radioactive Umwandlungen. 1907. стр. 11.

⁴ А.Риги. Современная теория физических явлений. 1907. стр. 120.

⁵ O.Lenard. Ueber Kathodenstrahlen. 1906. стр. 33.

лось в наших представлениях, есть не реальность, а фикция. Чтобы избежать возражений, считаю нужным оговориться, что я имею в виду положительно-научное физическое доказательство фиктивности «материи» в противоположность философскому, которое исходило от сенсуалистов и Канта.

Энергия – вот та единственная научная реальность, которая нам дана; а все многообразие явлений и форм познаваемого нами мира создано лишь из комплексов и комбинаций различных форм энергии. Принцип энергии, который вырабатывается у представителей точной науки под влиянием новейших открытий, мало по малу вытесняет господствовавший в XIX столетии принцип материи и становится руководящим в науке XX-го столетия.

Однако, основанное на этом принципе энергетическое мирозерцание не может в наше время быть последовательно проведено до конца, так как мы, к сожалению, не располагаем еще достаточным запасом соответственного знания; но и то, что мы успели узнать в сравнительно короткий промежуток, протекший со времени открытия радия и других радиоактивных веществ, дает энергетической гипотезе право на самое серьезное внимание мыслящих работников во всех областях науки. Ведь надо признать, что больше всего трудностей для нашего отживающего миропонимания представляет энергетическое «объяснение» материи; но если физики и химики на основании точных исследований приходят с разных сторон к электрической теории материи, то приложение энергетического принципа к объяснению всех остальных явлений познаваемого мира не может уже представлять особых затруднений.

Однако, чтобы усвоить себе энергетический принцип, в наше время необходимо каждому научному работнику, в какой бы области знания он ни работал, основательно познакомиться с новейшими исследованиями в области электричества, ибо «в изучении электричества, – справедливо замечает английский физик Oliver Lodge во введении к своей работе об электронах, – лежит ключ к выяснению внутреннего смысла всех явлений, с которыми жизнь человека так тесно связана. Здесь, – говорит он, – лежит решение проблем, которые больше столетия приковывают к себе внимание и пылливость философов, физиков и химиков; причем, дело касается косвенным образом гораздо более важных и фундаментальных вопросов, чем вопрос об электричестве: мы можем надеяться получить неожиданные ответы на вопросы, которые стояли перед нами в течение всей истории цивилизации»⁶.

В последних словах физика Lodge по-видимому скрывается указание на возможность решения при свете новых данных также и психофизической проблемы, которая больше всякой другой занимала умы людей в течение всей истории цивилизации. Надо однако признать, что возможность эта наступит лишь тогда, когда мы окончательно освободимся от гипноза внушенных и привитых нам идей о совершенно особой природ психических процессов и когда перестанем рассматривать психическое и физическое как два ряда независимых друг от друга причинностей. Для этого же необходимо прежде всего проникнуться энергетическим мирозерцанием и научиться подходить к фактам без готовых решений.

В этом отношении весьма поучителен всем известный рассказ о том, что Ньютон открыл всемирный закон тяготения, исходя из обыденного факта падения яблока на землю. Надо думать, что, когда этот великий человек, глядя на падающее с дерева яблоко, впервые высказал предположение о связи наблюдаемого явления с всемирным тяготением, то тогдашние филистеры науки подняли его на смех: какая тут может быть связь? да и куда яблоку падать – не лететь же ему на небо? Гг. филистеры не могли, конечно, понять, что произвольное падение яблока на землю также «чудесно», как и полет его на небо; в обоих случаях необходимо признать влияние какой-либо силы, толкающей или влекущей яблоко.

В настоящее время мы знаем, что яблоко падает потому, что земля его притягивает к себе. Но мы, после Фарадея, уже не довольствуемся этим знанием и спрашиваем себя: почему

⁶ Oliver Lodge. Elektronen. Deutsch. Uebers. 1907.

земля притягивает, и возможно ли какое-либо действие силы на расстояние без посредства промежуточных агентов сил? Все успехи современной физики основываются на открытии и изучении этих промежуточных агентов, необходимость которых признавалась еще Ньютоном и постулируется простою логикой, неизвращенной и не затуманенной привычными представлениями. Если бы мы научились так же просто, по ньютоновски, подходить к обычным явлениям психофизического порядка, то многое до сих пор темное, вероятно, скоро стало бы для нас простым и ясным.

В самом деле, возьмем самое обычное явление – произвольные движения. Я хочу поднять руку и... она подымается. Что это означает? Для каждого, кто желает видеть в явлении только то, что в нем есть, может быть только один ответ: мысль-воля вызывает механическую работу поднятие руки. Как ни вертеть этот факт, смысл его не может измениться: мысль вызывает механическую работу.

Однако, продолжительное господство дуалистических представлений всегда заставляло людей искать других «объяснений» и всячески извращать простой и ясный смысл приведенного примера. Нам говорили и говорят, что толчок к мышечному движению дан не мыслию, а пришедшим из внешнего мира возбуждением (впечатлением), которое через посредство нервно-мозгового аппарата передалось мышцам руки.

Но для каждого наблюдателя, подходящего к фактам без готовых «объяснений», должно быть ясно, что, каково бы ни было происхождение мысли, без неё в данном случае рука не поднялась бы и, следовательно, работа не была бы произведена; как бы ни было ничтожно участие в данном случае элемента психического, оно тем не менее несомненно: мысль, хотя бы в качестве обязательного посредника между пришедшим извне возбуждением и нервно-мышечным аппаратом, послала все-таки импульс в мышцу и вызвала её сокращение, т. е. мысль вызвала механическую работу.

Параллелисты возражают еще, что импульс в мышцу посылает не мысль, а мозг, и что мысль возникает в мозгу рядом с импульсом, идущим в мышцу мысль здесь лишь сопутствует физиологическому процессу, но не обуславливает его. Однако, гг. параллелисты, причисляющие себя нередко к адептами позитивной науки, не хотят видеть, что в данном случае они совершенно не опираются на факты и выдают свои, основанные на дуалистических представлениях, гипотезы за факты: ведь, никто еще не доказал, что при волевых актах импульс в мышцу посылает мозг независимо от мысли.

Наоборот, многие данные экспериментальной психологии заставляют нас предполагать участие мысли (т. е. психических процессов) в так называемых бессознательных и даже рефлекторных актах; а такой основательный и осторожный психолог, как Джемс, принимает даже за «основной факт» своей науки то положение, что «не только известные душевные состояния, как например, волнение, но все вообще психические явления, как таковые, даже чисто мыслительные процессы и чувствования, по вызываемым ими результатам, суть двигатели»⁷.

Итак, оставляя в стороне всякие гипотезы, мы должны брать факт так, как он нам непосредственно является, и сказать: раз мысль вызывает механическую работу, раз мысль есть двигатель, то она должна представлять собою форму энергии, которая вполне аналогична целому ряду других форм мировой энергии, способных также вызывать механическую работу и быть двигателями; иными словами – мысль есть одна из многих форм единой мировой энергии.

Каковы свойства этой формы энергии? Помимо только что указанного общего многим другим энергиям свойств быть двигателями, нам пока точно известно еще одно отличительное её свойство – именно, способность являться нам в виде представлений; поэтому мы называем её психической энергией. При таком взгляде на сущность мысли у нас нет решительно никаких оснований проводить резкую грань между психической энергией и всеми другими известными

⁷ У. Джемс, Психология. Русск. перев. 1905. стр. 4.

нам чисто физическими формами энергии; наоборот, мы должны включить ее в эту группу энергий, наделив лишь одним отличительным свойством – психическим... Если мы это сделаем, то связь психического с физическим, мысли с мозгом, предстанет перед нами в энергетическом освещении и перестанет казаться такой непостижимой.

В самом деле, пока старые материалисты учили, что весома и осязаемая материя есть единственная реальность и что мысль получается от молекулярных движений в мозгу, Дю-Буа-Реймон был прав, говоря, что «невозможно придумать такое расположение или такое движение материальных частиц, которое позволило бы перекинуть мост в царство сознания». Но если сами материальные частицы, молекулы, атомы представляют собою, согласно новейшим данным, не что иное, как поля сил и комбинацию различных форм энергии, и если мысль, согласно изложенным выше соображениям, есть лишь особая форма единой мировой энергии, то возникновение мыслей в мозгу может быть легко объяснено переходом одной формы энергии – чисто физической, в другую форму – психическую или, вернее, психофизическую, ибо, как это мы выше видели, последняя обладает также и чисто физическим свойством вызывать механическую работу.

При этом можно представлять себе образование психической энергии следующим образом: все внешние явления суть процессы между энергиями; из этих «внешних» энергий организм выбирает только те, к которым он приспособлен посредством своих внешних органов чувств; в последних происходит превращение, переработка внешней чисто-физической энергии в нервную (или нервно-физическую), которая, устремляясь по нервным проводникам к мозгу, испытывает в ганглиозных клетках центрального органа новое превращение, переходя в энергию психическую. С появлением психической энергии кончается процесс усложнения по крайней мере, насколько это до сих пор нам известно и эта энергия либо действует как таковая, являясь нам в виде сознания, мыслей⁸, либо превращается через промежуточную стадию нервной энергии в механическую работу движения. «Мы признаем, – говорит Оствальд, – что энергия, связанная с сознанием, есть наивысший и самый редкий вид энергии из всех нам известных; она образуется только в особенно развитых органах и даже мозг различных людей выказывает чрезвычайное различие в количестве и деятельности этой энергии»⁹.

Таким образом, психическую энергию мы рассматриваем как самую сложную и совершенную форму единой мировой энергии, являющуюся нам в виде мыслей, представлений, и способную превращаться в другие, более простые чисто физические формы. Однако, такой взгляд на сущность психической энергии обязывает принять также и вытекающие из него выводы. Именно, если психическая (или психофизическая) энергия есть лишь одна из форм общей мировой энергии, то она должна подчиняться также общемировому закону сохранения энергии. В состоянии ли психическая энергия удовлетворить этому требованию? Большинство современных натуралистов, принадлежащих, впрочем, своим духовным обликом истекшему столетию, дают на этот вопрос отрицательный ответ.

И в самом деле, на первый взгляд некоторые психические явления как будто противоречат закону сохранения энергии. Возьмем, напр., акт мышления, не сопровождающегося никакими внешними проявлениями – ни двигательными, ни словесными. Когда мы о чем-либо молча размышляем, мы производим известную умственную работу; на последнюю тратится иногда значительное количество нервной энергии, которая превращается в психическую; трата нервной энергии выражается в увеличении (и усиленном выделении) продуктов распада нервно-мозговой ткани и сказывается в наступающем общем чувстве умственного утомления; наконец, наличность психической энергии констатируется в сознательных мысленных процес-

⁸ Почему психическая энергия является нам в виде мыслей – это мы знать не можем, как не знаем и того, почему, напр., энергия трения является нам в виде тепла и электричества. Вопросы эти входят в область теории познания, которой мы в настоящей чисто экспериментальной работе не касаемся.

⁹ Оствальд. *Философия природы*. 1903 г. стр. 284.

сах. Между тем, если бы мы пожелали проследить за дальнейшим ходом или превращением развившейся психической энергии, то мы этого сделать не в состоянии – поток энергии как будто здесь останавливается, и вся сумма психической энергии исчезает почти без остатка¹⁰. Не выраженная словесно и не проявленная в актах мысль как будто совершенно противоречит закону сохранения энергии и служит для дуалистов лучшим аргументом в пользу учения об особой природе процессов психических и несоизмеримости их с процессами физическими.

Защитники энергетического мирозерцания полагают, что весь секрет заключается в том, что психическая энергия в указанном выше случае, вероятно, превращается в теплоту и идет на нагревание тела; однако, это лишь предположение, которое почти невозможно доказать и которое поэтому не может служить подтверждением гипотезы психической энергии¹¹. И мы думаем, что прибегать к такого рода предположению нет никакой ни нужды, ни пользы.

Дело в том, что закон сохранения не требует, конечно, чтобы каждая энергия сохранялась в присущем ей виде, а говорит лишь о сохранении совокупной суммы энергий, и потому Оствальд вполне прав, когда называет заблуждением то утверждение, «будто духовная энергия должна непременно сохраниться, как таковая»; однако, нужно признать, что только в последнем случае и можно было бы неопровержимо доказать как самое существование психической энергии, так и подчинение её мировому закону сохранения. Вот почему в тех случаях, когда не удастся проследить дальнейший ход психической энергии (как, напр., при молчаливом мышлении), должно еще оставаться место предположению, что психическая энергия выделяется из организма как таковая и рассеивается в окружающей среде.

Возможно ли это с технической стороны, т. е. не препятствует ли этому анатомическое строение центрального нервного органа, в котором протекают все психические процессы? Насколько мы до сих пор знакомы с анатомией и физиологией мозга, надо сказать, что строение последнего не только не может препятствовать излучению накопившейся в нем энергии, но даже должно способствовать этому. Ведь, нам известно, что все высшие психические процессы протекают в сером веществе, которое скоплено в огромном количестве в мозговой коре; в последней, следовательно, собрана почти вся сумма психической энергии, которую вырабатывает данный индивид; чтобы сохранить эту высшую и, следовательно, самую концентрированную форму мировой энергии от потери через излучение, ее необходимо было бы спрятать в самую глубь человеческого тела и окружить хорошими изоляторами-оболочками.

А что мы видим в действительности?

Мозговая кора, как указывает уже само название, расположена на самой поверхности тела и совершенно лишена специфических изоляторов, какими являются миелиновые оболочки нервных проводников: что касается мягкой и твердой оболочек мозга, то он как по своему качеству, так и по величине совершенно не могут считаться подходящими изоляторами в сравнении с огромным скоплением серого вещества; а костяная коробка (череп) имеет своим главным назначением защиту мозга от механических инсультов. Таким образом, расположение в теле и все внешнее строение органа, в котором протекают наиболее интенсивные психические процессы, наводят на мысль, что природа в данном случае позаботилась не препятствовать излучению психической энергии в окружающее пространство.

Если это так, то, чтобы доказать подчинение психической энергии закону сохранения, нам остается только проследить выделение во внешний мир названной энергии, т. е. открыть её присутствие за пределами того мозга, в котором она возникла.

Но как сделать это?

¹⁰ Некоторая доля, вероятно, отлагается в ганглиозных клетках в виде потенциальной энергии.

¹¹ Так как мы в опытах с человеком не можем элиминировать других внутренних источников нагревания, то мы никогда и не можем установить точно, обусловлен ли подъем температуры тела превращением психической энергии или какой-либо другой.

Единственный известный нам аппарат, в котором психическая энергия может проявиться в обычной для нас форме, т. е. мыслях – ибо только в этом случае она и может быть нами узнана, как психическая – есть человеческий мозг; следовательно, психическая энергия может быть нами открыта за пределами того мозга, в котором она возникла, лишь в том случае, когда она, выделившись из одной мозга, попадет в другой и проявится там в таких же мыслях-представлениях, какие свидетельствовали нам о её присутствии в первом мозгу; короче говоря, закон сохранения психической энергии требует возможности непосредственной передачи мыслей от одного субъекта к другому.

Вот – тот результат, к которому неизбежно придет всякий, кто, проводя энергетическое мировоззрение, желает быть последовательным и не находит нужным отступать перед выводами, какими бы невозможными они на первый взгляд ни казались.

Непосредственная передача мыслей есть теоретический постулат энергетической гипотезы в применении её к психической энергии. Нам остается теперь сделать последний шаг и доказать, что этот теоретический постулат фактически осуществляется, т. е., что передача мыслей имеет место в действительности. Этой задаче и посвящено настоящее исследование, которое будет вестись мною только на языке фактов, т. е. на том языке, который в подобных вопросах является единственно красноречивым и для всех убедительным.

II

История вопроса о передаче мыслей

Начнем с ближайшей истории вопроса.

В 1874 году необразованный американец Броун выступил в Нью-Йорке с загадочными опытами, которые быстро овладели вниманием всего американского общества; опыты эти заключались в так называемом отгадывании мыслей. Приложив руку агента (загадывателя) к своему лбу, Броун с завязанными глазами проделывал все то, что задумывал агент: отыскивал спрятанную вещь, передавал ее по назначению и проч. Для объяснения этого явления пускались в ход разного рода гипотезы, которые ведут свое начало еще от Парацельса; одни допускали, что мысль человеческая может действовать на расстоянии путем лучеиспускания; другие – что существует особое магнетическое влияние одного мозга на другой; третьи – что мысль, возникающая в голове одного человека, может индуцировать такую же мысль в голове другого и т. д.

Против такого рода толкований выступил тогда американский невропатолог Бирд, который доказывал, что чтение мыслей основано на улавливании чтцом бессознательных мышечных движений агента. Когда последний задумывает что-либо и сосредоточивает все свое внимание на задуманных представлениях, то он, по мнению Бирда, невольно и бессознательно совершает такие мышечные движения, которые сводятся к выполнению задуманного; вот эти-то бессознательные, едва уловимые, мышечные движения улавливает чтец мыслей (перцепиент), благодаря своей повышенной кожно-мышечной чувствительности; таким образом, все дело сводится, по мнению Бирда, не к чтению мыслей, а к чтению мышечных движений.

Впрочем, теория Бирда не была особенной новостью: еще в 1833 году E. Chevreul¹² поставил ряд опытов, на основании которых он пришел к заключению, что «мысль об определенном движении в состоянии двигать нашими мышцами, хотя мы сами при этом можем не желать и не сознавать этого движения». Такую же точку зрения развил в 1853 году Араго перед Парижской Академией Наук и Фарадей в Лондонском Королевском Обществе. Оригинальность теории Бирда заключалась лишь в том, что он допускал возможность бессознательного восприятия одним лицом мышечных движений другого лица и строил на этом объяснение всех случаев передачи мыслей.

Несмотря на всю простоту и, так сказать, естественно-научную понятность такого рода объяснения столь загадочного явления, ученое факультетское собрание в Нью-Йорке большинством голосов отвергло объяснение Бирда. Спустя 7 лет после того, т. е. в 1881 году в Англии появился новый чтец мыслей – знаменитый Бишоп, который в своем искусстве далеко превосходил Бруна. По инициативе ученого Карпентера для исследования этого вопроса была назначена комиссия, в состав которой вошли 4 профессора и наследный принц. Комиссия эта пришла к тому же заключению, которое раньше было высказано Бирдом, т. е., что чтение мыслей сводится, собственно, к чтению мышечных движений. На этом объяснении ученый мир Англии и успокоился.

Но в обществе интерес, возбужденный опытами Бишопы, оказался настолько велик, что в 1882 году в Лондоне основалось специальное «Общество для исследования психических явлений», которое поставило себе задачей собирать достоверные факты, говорящие в пользу пере-

¹² E. Chevreul: Lettre a M. Ampere sur une certaine classe de mouvements musculaires. Rev. de Deux Mondes, 1 Mai 1833. – Цит. по Crassel. L'occultisme.

дачи мыслей на расстоянии; полученные результаты были опубликованы в 1887 году тремя английскими авторами в обширном двухтомном труде под заглавием: «Phantasm of the living»¹³.

Авторы эти – Герней, Майерс и Подмор – впервые пустили в оборот термин «телепатия», которую они разделяли на экспериментальную и самопроизвольную; под первой они разумели то, что мы называем передачей мыслей и что Richet назвал мысленным внушением; второй вид телепатии – самопроизвольный – обнимает все те случаи, когда люди чувствуют и видят то, что происходит далеко от них и о чем они даже не подозревают. Главною целью упомянутых авторов было доказать существование второй формы телепатии. Так как нас здесь интересует, главным образом, первая форма, то мы ограничимся лишь замечанием, что эти авторы, приняв во внимание возможность всех психических аномалий, сделав тщательную выборку фактов и вычислив количество допускаемых по теории вероятностей случайных совпадений, пришли к заключению, что телепатия возможна.

¹³ Gurney, Myers and Podmore: Phantasm of the living. London. 1887.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.